

КАМЕРТОН

Игорь ТАЯНОВСКИЙ.
Свидание с Онегом

В имении Онег под Новгородом родился великий русский композитор Сергей Васильевич Рахманинов.

Ни усадьбы, ни сада, ни музыки...
Поле русское — льны да овсы.
Паутинка тропиночки узенькой
Серебрится от чистой росы.
Коростель на лугу затуманенном
Так хрипит — будто горло сломал.
Здесь когда-то Сережа Рахманинов
Коростелей тоску понимал.
Замирала здесь мама за пальцами,
И родительский дом замирал,
Если мальчик поющими пальцами
Просто клавиши перебирал.
Заклубились над гнездами отчими
Ветер шалый и дым продувной...
Птица певчая, с птицами ловчими
Что ты мечешься в стае одной?
Страны дальние, сытые, дивные.
Громкой славе не видно конца...
Отчего же тоска неизбывная
Зазвучала в душе у творца?
Новгородские дали былинные,
Где душа с красотой обнялись,
Крики хриплые коростелиные
В несказанном напеве слились.
Искони были песни скитальцами.
Искони гений мир исцелял.
Как светло он поющими пальцами
Душу русскую миру являл!
И бредут сюда люди неместные,
Чтоб коснуться вот этой земли.
Может, звуки, душа неизвестные,
Сон-трава с дым-травой сберегли?
Паутинка тропиночки узенькой.
Коростель, нарыдавшись, молчит.
Ни усадьбы, ни сада... Но музыка
В растревоженном сердце звучит.

Солнце смотрит в колодезную глубину. На рыхлее отражение падают, цепляясь за паутину, сухие ветки и слабые листья. Очень хочется пить, а до воды — не дотянуться... Кто-то вспоминает: в машине есть ведро, но иди обратно нет сил... Вокруг — высоченная злая крапива и колючие кусты. Мы одолели эти заросли, но ни одна травинка не приникла к тихой земле. За спиной — все также упругая зеленая стена. Мы оглядываемся назад, смотрим на исцарапанные, покрытые волдырями руки, трогаем ветхий сруб... Вода совсем рядом, близко и кажется — не тишина звенит, а плачет от тоски невидимый чистый родник-сирота.

Дом с двумя похожими на крылья ве-рандами глядел в сторону реки, и чудная аллея уносила мелодии к Волхову... Теперь только музыка помнит рахманиновскую усадьбу — особняк, мезонин, прозрачные пруды, баньку над ручьем, яблоневый сад, белую сирень, две высокие ели и старый колодец, который хранил никем не разгаданную тайну целебной воды, не замедляющей даже в самые лютые морозы.

Много сменилось в Онеге хозяев. После того, как покинули Рахманиновы имение, видели тут люди одинокую старуху, которая часто вязала у открытого зимнего окна и подолгу смотрела на дорогу. Жила

здесь и молодая красивая Катерина. Она берегла дом, парк и пруды, любила сад, собирала в большие корзины огромные яблоки и меняла их в окрестных деревнях на продукты. Где она за-пропала — молва не ведает. Говорят — раскулачили... И поселился в усадьбе пионерский лагерь. А вскоре война разру-

зыкальная Россия.

В 1917 году на родине Рахманинова теряет слушателей. Отечество, отрекаясь от людей иного класса, отторгает и гения. Он уезжает с концертами за границу и потом, до конца дней своих, мечтает о возвращении в Россию, в усадьбу, где распелась его душа...

Нам и не предста-

Ни усадьбы, ни сада...

шила то, что не успело доразорить «пле-мя молодое, незнако-мое».

И высохли пруды, одичал парк, умер сад, смешалась с кра-пивой аллея, затянуло паутиной колодец. На развалинах дома вырос бурьян. Но по-прежнему каждую весну цветет в Онеге си-рень.

Сирень цвела и в тот год, когда Сережа вместе с сестрами, братьями и мамой уехал в петербургскую нищету из проданного за долги Онега. Сирень цвела — и Сережа учился в консерватории, уже в московской, защищал диплом — сначала пианиста, потом компози-тора.

Сирень цвела — Рахманинов создавал романсы, сонаты, симфонии... Его имя узнало весь мир. Его звали на гастроли Англия, Франция, Америка... Он — пианист, дирижер, композитор — был един, как бог. И его боготворила му-

зыкальная Россия. И стыдно видеть, как имение Рахманинова зарастает сорняками.

И не знать бы, что вот здесь, по заповедной земле, ползали, ломая сирень, тракторы.

И не вспоминать бы о лоботрясах, забрасывавших грязью рахманиновский колодец.

И забыть бы о том времени, когда недалеко от Онега собирались водрузить сви-нарник.

И не слышать бы разговоров о том, что теперь только за-гранича поможет нам воскресить нашу память о Рахманинове, который в самое трудное, переломное время войны, незадолго до смерти, помня и любя Россию, не уставая, выходил на сцены Америки с концер-тами русской музыки и отправлял за океан многочисленные сборы в фонд обороны.

А на родине великого композитора на-шелся всего один-един-

ственный человек — старенькая учительница музыки из Ленинграда Т. А. Самсонова, отдавшая свои пенсионные гроши и последние силы на установление памятного знака.

Ирина ТАЯНОВСКАЯ.

P. S. Этот материал был опубликован три года назад в еженедельнике «Новгород». С тех пор в Онеге ничего не изменилось. Но по-прежнему здесь звенит и светится серебряная вода — сила жизни... Наверное, она и возвращает нас к музыке Рахманинова.

Весной позапрошлого года в Новгороде прошел Международный детский рахманиновский фестиваль.

Есть надежда и уверенность — он будет традиционным, посто-янным.

Создана его исполнительная дирекция, которая озадачена не только организацией этого праздника и всевозможных кон-цертов, но и занимается серьезной работой по увековечению памяти о великом композиторе, проводит благотворительные сбо-ры средств на строи-тельство памятника Рахманинову в Новгороде.

Возможно, когда-нибудь — не через дол-гие годы — поклонники и ценители твор-евища соберутся в Онеге. И увидят «дом с крыльями», окунутся в ухоженный сад, посмотрят на чистое родниковое отражение неба.

Онег — не Ивановка

Н ВИНЧЕ для того, чтобы отправиться в путь (да-же не слишком дальний), нужен особый повод... Я

давно мечтала побывать в Тамбове, который много лет добрьяд ведет серьезные работы, связанные с именем Рахманинова. Хотела посмотреть, как это делается, поговорить с заинтересованными людьми, набраться опыта. Но все не удавалось. А минувшей весной возник этот самый, особый, повод — проходивший в мае первый Международный юношеский конкурс пианистов имени Рахманинова.

В этом городе — свои традиции. Тамбов, по сравнению с Новгородом, очень молод, ему менее 400 лет. Но принадлежность к культуре, к истории там свято охраняется и властями, и горожанами, и — более всего — интеллигентией. Особенно тамбовцы горды тем, что они по-настоящему преданы памяти о Рахманинове.

Хотя здесь Сергей Васильевич бывал весьма эпизодически, проездом в Ивановку Тамбовской губернии, где недолго остановился в имении супруги. Но тем не менее, в самом Тамбове — несколько скульптур, изображающих композитора, в его честь установлены две мемориальные доски у входа в музейчище, в прекрасном месте, где стоят камень с соответствующей надписью, планируется строительство памятника Рахманинову. А в Иванов-

ке, естественно, памятник уже есть. Ивановка для тамбовцев — предмет особой гордости.

Ивановскую усадьбу Рахманинова постигла участь большинства дворянских имений. Она была разорена, буквально сметена с лица земли в 21-м году. Вероятно, предчувствуя неотвратимое, Сергей Васильевич еще в 1917 году раздал работавшим в усадьбе часть своих вещей, которые потом переходили от поколения к поколению. И через 50 лет благодаря поиску многое удалось вернуть. Восстановленному имению Рахманинова возвращен даже его рояль!

В начале 70-х годов в Ивановке (кстати, на территории усадьбы) выросла школа, где работал молодой специалист, учитель русского языка и литературы Александр Иванович Ермаков, с которым связана возрождение усадьбы и появление здесь музея Рахманинова. Сначала был восстановлен флигель, затем дом типичной дворянской постройки черноземной полосы России. Сейчас ведутся дорогостоящие отделочные работы, комплектуются музейные композиции. В музее трудится целый штат — 37 человек, включая научных сотрудников, техперсонал, охрану. А вокруг тоже восстановленный, ухоженный прекрасный парк: вековые липы, расчищенные дорожки...

Я уверена, где бы Рахманинов ни находился, он

всюду имитировал уголок родного Онега, в котором провел свои детские годы, отразившиеся, безусловно, на его творчестве... В Ивановке Сергей Васильевич соединил два пруда, они также приведены в порядок, как и выбранное Рахманиновым место для концертов. Тут и проводятся традиционные рахманиновские фестивали. На чудном косогоре стоят под открытым небом скамейки для слушателей. Зеркальная водная гладь отделяет их от сцены, с которой не раз звучала симфоническая музыка, выступали Вероника Дударова, Михаил Плетнев со своими оркестрами.

Конечно, хоть и не сразу, но все же А. И. Ермаков (ставший директором музея, посвятивший возрождению усадьбы Рахманинова значительную часть своей жизни и за все это время ни разу не побывавший в отпуске) нашел поддержку. Ему помогают областные власти и живущие за границей потомки Рахманинова. А особенно сегодня для нас удивительно то, что администрация Уваровского района, где расположена Ивановка, и Уваровский совхоз стали генеральными спонсорами музея, в который уже вложено немало средств. Но деньги отпускаются и сегодня. Ведь совершенно ясно: финансирование должно быть планомерным, систематическим. Чего стоит одна научная работа!

Тамбовцы многое суме-ли, успели сделать. Теперь эту работу им не оставить, не бросить. А нам, новгородцам, землякам Рахманинова, все никак не вернуться к Онегу.

Неподалеку от Новгорода, в имении Онег, на родине Рахманинова, даже трудно отыскать следы жилища человека, который интересен всему миру. Пробираешься по сплошным зарослям травы, кустарников и на змею наступишь бояться.

В наше странное время непросто замахнуться на восстановление Онега, хотя теоретически это вполне возможно. Сохранились необходимые архивные материалы, уцелел фундамент дома Рахманиновых, к

скогого фестиваля имени Рахманинова. Соберется много гостей, обещают привлечь потомки Сергея Васильевича. Наверняка они захотят побывать в имении Рахманинова. К этому времени не построить дорогу до Онега. Но туда можно добраться по реке. А чтобы, сойдя с корабля, не увязнуть в грязи, нужно от берега до усадьбы проложить надежную тропу. Следует и четко обозначить границы имения, освободить его от сорняков, привести в порядок колодец и соорудить для гостей столы, лавки — в общем, заняться маломальским благоустройством.

Понадобятся не слишком большие, вполне реальные расходы, которые уже сейчас можно запланировать. Неплохо бы поискать и заинтересованных спонсоров.

Летом в Новгороде пла-нируется проведение второго Международного дет-

ского фестиваля имени Рахманинова. Его музыка не просто вечна. Она все больше становится понятной.

Любовь ДЕРИГЛАЗОВА,
исполнительный
директор
Международного
детского фестиваля

же, как привлекает их Ивановка, куда народ стекается со всего мира, осо-бенно во время фестива-лей. Восстановленный Онег будет способствовать не только нашему духовному возрождению, но и разви-тию туризма в области, а значит — и доходы при-бавятся, тем более Новго-род гораздо притягательнее Тамбова.

Но в восстановлении Онега нужна заинтересованность, потребность и властей, и жителей земли новгородской. Рахманинов — такая величина, такая глыба! Его музыка не просто вечна. Она все больше становится понятной.

Онега нужна заинтересованность, потребность и властей, и жителей земли новгородской. Рахманинов — такая величина, такая глыба! Его музыка не просто вечна. Она все больше становится понятной.

У Рахманинова — нема-ло поклонников. Его вос-становленная усадьба буд-дет привлекать людей так

